

*Моим сестрам:
Полли, Киран, Сарват и Джесс*

*Моим братьям:
Джейку и Тому*

Моя сестра черная дыра.

Моя сестра торнадо.

Моя сестра конечная станция моя сестра
дверь на замке моя сестра выстрел в темноте.

Моя сестра меня ждет.

Моя сестра дерево что упадет.

Моя сестра глухое окно.

Моя сестра вилочка моя сестра ночной поезд
моя сестра последний пакет чипсов моя сестра
лежачая забастовка.

Моя сестра лесной пожар.

Моя сестра тонущий корабль.

Моя сестра последний дом на улице.

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

Сентябрь и Июль

Дом. Ломтиками через изгородь, за полями. Грязно-белый, окна утоплены в кирпич. Рука в руке, на заднем сиденье, полоска света из люка в крыше. Мы вдвоем, плечом к плечу, дышим одним воздухом. Дорога дальняя, вверх по вене страны, катим по Бирмингемской кольцевой, мимо Ноттингема, Шеффилда и Лидса, пересекаем Пеннины. Этот год мы мечемся. Чего? Этот год, как любой другой, мы без друзей, мы нужны только нам самим. Этот год мы ждали их под дождем, у старых теннисных кортов. Голоса по радио: «Ожидается повышение температур, идущее с Юга... Полиция в Уитби». Шух-шух-шух маминых рук на руле. Наши мысли, словно ласточки. Нос машины вздымается и опускается, словно лодка. Где-то там, вдалеке, море. Натягиваем одеяло на головы.

В этот год что-то другое будет пугать нас.

* * *

Дорога ответвляется и пропадает из виду, дрожь-дрожь-дрожь, при съезде с асфальта на землю. Мама плачет? Я не знаю. Нам спросить?

Дейзи Джонсон

На это нет ответа, и — все равно — наш дом теперь там, и нет времени возвращаться, или заново пробовать, или что-то переделывать. В этот год мы живые дома, свет горит в каждом окне, двери никогда толком не закрыты. Когда одна из нас говорит, мы обе чувствуем, как слова шевелятся у нас на языках. Когда одна из нас ест, мы обе чувствуем, как еда скользит по нашим глоткам. Ни одна из нас не удивилась бы, узнав при вскрытии, что у нас общие органы, что чьи-то легкие дышали за двоих, что одно сердце билось двойным, лихорадочным пульсом.

Июль

1

Мы на месте. Вот он.

Этот дом, в который мы приехали. Этот дом, который мы поехали искать. На прибрежной стороне топей Северного Йоркшира, совсем рядом с морем. Наши губы, с которых мы слизывали соленый налет, высохли и потрескались, руки-ноги ломит, они налились тяжестью. Руль закипает, дорога злобно блестит. Мы ехали много часов, схоронившись на заднем сиденье. Садясь в машину, мама сказала, давайте успеем до ночи. И долго ничего больше не говорила. Мы догадываемся, что бы она могла сказать: «Это вы виноваты», или: «Нам бы никогда не пришлось уезжать, если бы вы не сделали того, что сделали». А имеет в виду она, разумеется: если бы мы не родились. Если бы мы вообще не родились.

Я тесно складываю руки. Еще не знаю, откуда накатил страх, знаю только, что он безразмерный. Вот дом. Сажусь на корточки, как маленькая, у сланцевой стенки, а за ней пустое овечьё поле, на котором полно старых какашек и колючих кустов в человеческий рост. Я толкаю дверь, и порыв застойного воздуха встречается со свежим. Пахнет навозом. Живые изгороди разрос-

лись, через бетон пробиваются трава и сорняки, узкая полоска сада перед домом завалена всяким барахлом, древними лопатами без ручек, пластиковыми сумками, побитыми горшками для растений с почти живыми клубнями. Сентябрь залезла на неровную стену сада и балансирует, сжав зубы в некое подобие усмешки. Окна зарешечены отражением ее фигурки и моего лица за ней, глаза как пещеры, а еще дальше наша мама опирается в изнеможении на капот.

Белые стены дома изгвазданы грязными отпечатками рук с пустотой в центре, верхний этаж просел, прижав нижний, словно ладонь, прогнутая кулаком. У стены громоздятся леса, на дороге валяется разбитая черепица с крыши. Я тянусь к руке Сентябрь и думаю, смогла бы я вцепиться зубами в кожу и узнать через этот контакт, о чем она думает. Иногда у меня получается. Без особой определенности, но с немым гулом осознания. Как когда мама включает приемники в разных комнатах, и один из них вещает с легким отставанием, и можно стоять в коридоре между ними и слушать, как они эхом вторят друг другу; но Сентябрь уклоняется, вереща, как сорока.

Я выуживаю салфетку из глубин кармана и сморкаюсь. Солнце уже начинает заваливаться, но все еще жжет мои голые плечи. У меня в кармане леденцы от кашля, облепленные пухом. Я втягиваю один губами и кладу за щеку.

На стене дома табличка, заросшая грязью. Я тру ее салфеткой, пока не проступают слова:

ДОМ ГНЕЗДО. Мы еще никогда не жили в доме с именем. Никогда не жили в доме, который бы выглядел так, как этот: потрепанный, перекошенный, весьвгрязи. Сентябрь изгибается всем телом. Я быстро моргаю пять раз, чтобы она не упала, а если упадет, чтобы приземлилась, как кошка.

Я снова смотрю на маму. Она отстраняется от машины; ее тело выглядит неподъемной ношей. Она такая все время — неразговорчивая, молчаливая, — после того, что случилось в школе. Всю ночь мы слушали, как она ходит над нами в оксфордском доме. Она говорила нам только простые фразы, почти не встречаясь с нами глазами. Она другой человек в знакомом теле, и мне хочется, чтобы она к нам вернулась. Она распахивает калитку носком ботинка.

Помоги мне, говорит она, проходя мимо. Урса сказала, ключ под лягушкой.

Мы ищем лягушку. Земля кишит насекомыми. Я выкапываю червяка и впадаю в панику от того, как он шевелится в руке, так мягко, податливо.

Хватит валять дурака, говорит мама, и мы всматриваемся в траву, согнувшись в три погибели, пока я не нахожу, не нащупываю пальцами каменную лягушку, толстогубую, лупоглазую, почти заросшую травой. Мама переворачивает ее ботинком и издает стон — ключа нет. Ну еще бы, говорит она. Еще бы, и три раза стучит кулаками по бедрам.